

От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? Трансформация российской партийной системы

Становление российской партийной системы в 1990-е годы проходило на фоне фундаментальных изменений в стране, и неудивительно, что эти изменения серьезно повлияли на формат партийной системы. «Формат партийной системы» - термин, который используется для описания количественных характеристик партийной системы, и он определяется двумя параметрами. В рыночной экономике говорят о параметрах спроса и предложения, то же самое можно сказать и о партийных системах. Количественным индикатором состояния предложения на электоральном рынке служит такая характеристика как «эффективное число партий» или, если речь идет о кандидатах, - «эффективное число кандидатов». Оно определяется по математической формуле, суть которой в том, что определяется количество партий или количество кандидатов, которые реально имеют значение в той или иной партийной системе. Предельный случай - однопартийный режим, где одна партия собирает 100 процентов голосов. В этом случае эффективное число партий будет равно единице. Соответственно, если в партийной системе сто партий, и каждая из этих партий получает на выборах 1% голосов, то эффективное число партий будет равно сотне и т.д. Так же можно считать партии и на уровне выборов - это называется электоральные партии, и на уровне парламента. В этом случае, правда, считают не долю голосов, а долю мест, которую контролирует та или иная партия. В исследованиях используют эти индикаторы применительно к партиям и к кандидатам - если речь идет о президентских выборах.

Что касается спроса, то здесь говорят о таком параметре, как электоральная неустойчивость. Этот параметр определяет совокупную долю изменений в предпочтении избирателей. Если, например, 100% избирателей полностью изменили свои предпочтения, то электоральная неустойчивость будет равна 200, если одинаковое число избирателей проголосовало за партии на двух следующих друг за другом выборах, то электоральная неустойчивость будет равна нулю. В данном случае речь идет об агрегированных данных, это не значит, что одни и те же избиратели голосуют за одни и те же партии, речь идет о совокупном числе голосующих.

Если резюмировать состояние российской партийной системы в 1990-е годы так, как оно описывалось многочисленными исследователями, то можно сказать, что были три фундаментальные особенности, которые резко отличали российскую партийную систему от стабильных партийных систем в странах Западной Европы и даже от формирующихся партийных систем в странах Восточной Европы. Во-первых, для нее был характерен очень высокий уровень политической фрагментации. Иначе говоря, во всех сегментах электорального рынка имело место очень большое предложение. Конечно, это явление было характерно для партийных систем и других посткоммунистических стран. Однако если в Восточной Европе эта фрагментация снизилась достаточно быстро, то в России она оставалась высокой на протяжении всего посткоммунистического периода. Во-вторых, - очень высокий уровень электоральной неустойчивости, большая, если говорить рыночным языком, "эластичность" спроса со стороны избирателей. Хотя вроде бы опросные данные фиксировали повышение партийной идентификации, однако на уровне голосования неустойчивость все равно была очень высокой. И, в-третьих, помимо партий на российском электоральном рынке действовали непартийные агенты, то есть кандидаты, опиравшиеся на другие ресурсы, нежели партии, в том числе и на региональные, на секторальные заинтересованные группы. Естественно, это препятствовало консолидации партийной системы. После выборов 1990-2000 гг. многие авторы выражали надежду, что это временное явление, переходное, и постепенно эти тенденции уйдут на периферию политической жизни

страны, уступив место тенденциям, которые имеют место в странах Восточной Европы, хотя и с некоторым временным лагом.

Надо сказать, однако, что этим прогнозам не суждено было сбыться в полной мере. Действительно, после выборов 2003-2004 гг. в России имело место снижение политической фрагментации, однако его характер и масштабы превзошли все ожидания. Чтобы проиллюстрировать, позволю себе представить данные.

Таблица 1. Эффективное число партий в России, 1993-2005

Год/эффективное число партий	Электоральные партии ¹	Парламентские партии
1993	7.6	
1994-1995		8.53
1995	10.7	
1996-1999		5.7
1999	6.8	
2000-2001		7.8
2001-2003 ²		4.7
2003	5.4	
2004-?		1.97

¹ Подсчет по пропорциональной части избирательной системы.

² После создания партии «Единая Россия» фракции «Единство», «Отечество – вся Россия», депутатские группы «Регионы России» и «Народный депутат» учтены как одна партия.

Мы видим, какова динамика. Первый столбец - это электоральные партии, то есть партии на уровне выборов, второй - парламентские партии на уровне Государственной Думы. Мы видим, что эффективное число партий существенно снизилось, однако обратите внимание на последнюю цифру - парламентские партии. Мы видим, что все политические партии, кроме одной, самой крупной, а именно "Единой России", даже вместе взятые, не составляют совокупную альтернативу самой крупной партии. То есть эффективное число партий меньше двух, а это значит, что политическая система является не вполне конкурентной.

Надо сказать, что примерно те же тенденции мы наблюдаем и на президентских выборах.

Таблица 2. Эффективное число кандидатов на президентских выборах в России, 1991-2004

Год выборов	Эффективное число кандидатов
1991	2.71
1996	3.89
2000	2.69
2004	1.89

Здесь динамика такова: расчет идет по эффективному числу не партий, естественно, а кандидатов. Но тенденция та же самая. Мы видим, что конкуренция была довольно высокой,

¹ Подсчет по пропорциональной части избирательной системы.

² После создания партии «Единая Россия» фракции «Единство», «Отечество – вся Россия», депутатские группы «Регионы России» и «Народный депутат» учтены как одна партия (Щербак, 2003: 60).

и оставалась таковой до 2000-го года. В 2004 г. эффективное число кандидатов на президентских выборах – меньше двух. Опять-таки конкуренция не является полноценной. Все кандидаты, выступавшие против инкумбента - действующего президента, не составляли ему альтернативу.

Так обстояло дело с уровнем предложения на электоральном рынке.

Что же касается спроса, то надо иметь в виду, что рассчитывать электоральную неустойчивость так, как это делается по отдельным партиям в стабильных партийных системах, особого смысла не имеет. Партии то появлялись, то исчезали. Именно непоследовательность состава участников выборов не позволяет использовать подобные приемы. Скорее имеет смысл говорить о неустойчивости не по отдельным партиям, а по так называемым "партийным семьям". И такая процедура представлена в следующей таблице.

Таблица 3. Голосование за «партийные семьи» на думских выборах (%)³

	Левые ⁴	Либералы ⁵	Националисты ⁶	«Партии власти» ⁷
1993	20.3	34.3	22.9	N/A
1995	32.2 (+11.9)	18.3 (-16.0)	18.1 (-4.8)	11.2 (N/A)
1999	26.5 (-5.7)	14.5 (-3.8)	6.0 (-12.1)	37.8 (+26.4)
2003	16.5 (-10.0)	8.3 (-6.2)	20.5 (+14.5)	40.7 (+2.9)

Примечание. В скобках указано изменение голосов за «партийную семью» по сравнению с предыдущими выборами. Партии и блоки, принадлежащие к «партийным семьям», но набравшие менее 1% голосов по общефедеральному округу, в подсчете не учтены.

Здесь мы видим, что представлены 4 «партийные семьи». Существует конвенциональное выделение разных "партийных семей", то есть идеологически близких партий, хотя идут споры, кого к каким семьям относить. Здесь "партийные семьи" представлены относительно произвольно, и, конечно, можно спорить, на каком основании те или иные партии к ним отнесены.

Кроме того, здесь проделана еще одна операция - не включены в расчет партии, собравшие менее 1% голосов. Это связано с тем, что их удельный вес невелик. С другой стороны, значительная часть этих партий не поддается какой-либо идейной идентификации.

Итак, мы видим динамику на последних выборах. Электоральная неустойчивость в целом остается достаточно высокой, мы видим это на разных примерах сегментов политического рынка. Однако в одном сегменте, а именно - в сегменте, связанном с партией власти, происходит некоторая стабилизация. Разница голосов за эти партии в 2003 и в 1999 гг. очень незначительна. Это самый низкий показатель межблоковой электоральной неустойчивости за все время наблюдений.

Можно сказать, что значительная часть этих явлений была обусловлена контекстом избирательной кампании. Поскольку мы знаем, что в результате выборов 2003 г. некоторые партии оказались не представлены в парламенте, что создало большой разрыв между

³ Подсчет по пропорциональной части избирательной системы.

⁴ Левые: 1993 – КПРФ, АПР; 1995 – КПРФ, АПР, «Коммунисты – Трудовая Россия – за Советский Союз», «Власть – народу»; 1999 – КПРФ, «Коммунисты, трудящиеся России – за Советский Союз»; 2003 – КПРФ, АПР.

⁵ Либералы: 1993 – «Выбор России», «Яблоко», РДДР, ПРЕС; 1995 – «Яблоко», ДВР-ОД, «Вперед, Россия!», ПСТ, «Памфилова – Гуров – Владимир Лысенко»; 1999, 2003 – СПС, «Яблоко».

⁶ Националисты: 1993 – ЛДПР; 1995 – ЛДПР, «Держава», КРО; 1999 – ЛДПР («Блок Жириновского»); 2003 – ЛДПР, «Родина».

⁷ «Партии власти»: 1995 – НДР, «Блок Ивана Рыбкина»; 1999 – «Единство», ОВР, НДР; 2003 – «Единая Россия», ПВР-ПЖ, НПРФ.

эффективным числом парламентских и электоральных партий, разрыв по сравнению с 1999 г. вполне объясним.

Тем не менее, существует определенный тренд, который можно обозначить в категориях, используемых при анализе так называемых "гибридных" политических режимов. Американский исследователь Томас Карозерс ввел в рассмотрение два типа гибридных политических режимов, то есть режимов, которые нельзя отнести в полной мере ни к авторитарным, ни к демократическим. Один из них он назвал "бесформенный плюрализм", то есть режим, в котором существует высокая состязательность на фоне неэффективности функционирования институтов, низкой массовой поддержки режима и партийной системы и значительной политической нестабильности. Другой тип режимов, выделенный Карозерсом, - «доминирующая власть». В этом варианте политическая состязательность невелика, и она допускается лишь до тех пор, пока не создает вызовов доминирующему актору, интересы которого обслуживаются с помощью главных активов государства, в то время как выборы носят заведомо несправедливый характер. В этом смысле можно говорить о том, что трансформация российской партийной системы в 1990-е – 2000-е годы прошла путь от «бесформенного плюрализма» к «доминирующей власти».

Каковы причины этих политических тенденций? В известной мере, они были обусловлены контекстом электорального цикла 2003-2004 годов. Однако в целом такое развитие событий носило систематический характер, а не было вызвано просто стечением обстоятельств. Поэтому следует обратиться к поиску объяснений динамики российской партийной системы.

В сравнительных исследованиях становление тех или иных форматов партийных систем принято объяснять посредством социологических либо институциональных теорий. В основе социологических теорий лежит сформулированное С.Липсетом и С.Рокканом представление о ключевой роли электоральных расколов между различными социальными группами в процессе формирования партийных систем. «Замораживание» этих расколов воспроизводит определенный формат партийной системы в зависимости от того, каковы основные линии электоральных конфликтов. Институциональные теории уделяют основное внимание эффектам избирательной системы наряду с другими элементами институционального дизайна (механизм разделения властей, форма территориального устройства государства), сочетание которых во многом задает формат партийных систем. Однако как те, так и другие теории не обладают достаточной разрешающей способностью для ответа на поставленный выше вопрос.

Прежде всего, попытки выявить расколы российских избирателей в духе социологических теорий, предпринимавшиеся в ходе массовых опросов, говорят о том, что их эффекты относительно невелики. Трудно идентифицировать устойчивые социальные базы тех или иных партий или кандидатов на уровне отдельных социальных групп. Однако проблема социологических теорий выходит за рамки отсутствия их эмпирического подтверждения на российском материале. Гораздо важнее иное: эти теории призваны объяснить различия между разными типами конкурентных партийных систем, но сами по себе они не могут объяснить, почему в случаях одних стран формирующиеся партийные системы становятся устойчиво конкурентными, а в других (к которым принадлежит и Россия) конкуренция в рамках партийной системы может сойти на нет.

Таким образом, мы вынуждены обратиться к проблеме формирования доминирующей власти, причем подчеркнем, что важным элементом здесь является то, что это именно партийный механизм, а не персоналистский, как, например, в Белоруссии. Можно провести аналогию с формированием монополий на формирующихся рынках. Надо сказать, что такие схемы вполне успешно применялись в анализе партийных систем. Понятно, что существуют различия между стабильными и формирующимися рынками. Во-первых, потому, что на формирующихся рынках, как на экономических, так и на политических, существует очень высокая неопределенность. То есть партии и избиратели имеют очень маленький горизонт ожиданий и не могут прогнозировать долгосрочные последствия. Во-вторых, кроме партий,

на этом рынке функционируют и альтернативные поставщики политических благ, и это приводит к феномену непартийных кандидатов, включая кандидатов на президентских выборах. В-третьих, что тоже немаловажно, на формирующихся рынках существует механизм недобросовестной конкуренции, в отличие от стабильных рынков, где в течение длительной эволюции сформировались институты, которые позволяют если не полностью пресечь, то, по крайней мере, существенно ограничить возможность недобросовестной конкуренции. И понятно, что на формирующихся рынках условия конкуренции во многом задаются борьбой.

Можно сказать, что в процессе консолидации российской партийной системы, электорального рынка, с рынка были выметены не только непартийные агенты. Непартийных кандидатов на следующих парламентских выборах в России не будет как класса, не столько в силу ликвидации выборов в одномандатных округах, сколько за счет того, что были сформированы очень жесткие условия недобросовестной конкуренции. Обычно принято считать, что два условия задали эти параметры. Во-первых, это влияние президентской формы правления, которая подрывает стимулы к формированию конкурентной партийной системы и репродуцирует конфликт элит по принципу "победитель получает все".

Из литературы хорошо известно, что президентские системы эффективно функционируют в сочетании с двухпартийными системами. Двухпартийной системы в России нет, и на заказ ее скроить не получается. С другой стороны, после масштабного конфликта элит в процессе смены власти в 1999-2000 гг., в ходе борьбы за ельцинское наследство произошла консолидация элит по принципу игры с нулевой суммой. То есть фактически правящая группа добилась того, что после 2000 г. интеграция элит была резко повышена, а дифференциация, наоборот, резко снизилась.

Казалось бы, такое объяснение выглядит уместным, если мы сравниваем Россию с Украиной. Мы видим, что на Украине фрагментация элит была и остается неустранимой, и в конечном итоге это сыграло очень значимую роль в событиях прошлого года, в том, что называют "оранжевой революцией".

С другой стороны, посмотрим на страны, где никакого конфликта элит не было вообще. Например, в Узбекистане выборы носят неконкурентный характер. Партии существуют, но в то же время Конституция официально запрещает им участвовать в борьбе за власть. Там роль политических партий совершенно иная, чем в России. Понятно, что там нет никаких стимулов для того, чтобы создавать доминирующую партию, поскольку нет борьбы за электорат на выборах.

Однако такое объяснение плохо работает в сравнении России с несколькими другими постсоветскими странами, потому что мы видим, что выборы есть и там, и там есть политическая борьба на выборах, пусть эти выборы носят несправедливый характер, начиная от Белоруссии и кончая Азербайджаном. Тем не менее, никаких доминирующих партий там не возникло. Идет строительство персоналистских режимов. Мы знаем, однако, что некоторые персоналистские режимы оказались крайне неустойчивыми - так произошло в Грузии и Киргизстане. Но в России значительные усилия предпринимаются именно для обеспечения партийного механизма монополии. И для анализа этого явления надо, видимо посмотреть на генезис российской партии власти.

Напомню, что нынешняя российская партия власти - "Единая Россия" - была сформирована в результате конфликта двух сегментов элит, боровшихся за ельцинское наследство в ходе думских выборов 1999 г.: "Единства" и "Отечества". "Единство" одержало победу и смогло к концу 2001 г. осуществить то, что можно назвать "недружественным поглощением" "Отечества". Фактически доминирующую роль в этом альянсе и, соответственно, на выборах 2003 г. заняло "Единство". Благодаря сочетанию определенных политических и институциональных факторов "Единая Россия" смогла, получив довольно серьезную поддержку (37,8% голосов на думских выборах), конвертировать этот успех в более чем 2/3 мест в Государственной Думе. Казалось бы, это очень крупный успех, однако,

если мы посмотрим за пределы Государственной Думы и региональных legislатур - сегодня я не буду касаться регионального измерения политики - на уровне федерального правительства роль доминирующей партии, в общем, очень низкая, скорее орнаментальная. На сегодняшний день в российском правительстве трое членов кабинета являются представителями «Единой России»: вице-премьер Жуков, министр по чрезвычайным ситуациям Шойгу и министр сельского хозяйства Гордеев. Сказать, что они оказывают и как индивиды, и как представители партии определяющее влияние на политику правительства, было бы явным преувеличением.

Более того, как мы видим, не партия формирует правительство, а скорее, наоборот. В целом ряде случаев именно партия вынуждена нести издержки принятия неэффективных решений, как это происходило при монетизации социальных выплат. Можно сказать, что ресурсом поддержки партии власти остается российский президент, пользующийся высокой популярностью.

Однако не следует сбрасывать со счетов такие существенные моменты, как институциональные изменения, которые явным или скрытым образом направлены на закрепление этой монополии. Во-первых, на протяжении последних нескольких лет были резко повышены барьеры при входе на электоральный российский рынок. На сегодняшний день очень сильно сужены возможности для формирования новых политических партий: новый закон для регистрации партии требует наличия в ней 50 тысяч членов и региональных отделений в гораздо большем объеме, чем прежде. Видимо, после перерегистрации политических партий, которая должна завершиться к началу следующего года, количество зарегистрированных Минюстом партий должно значительно сократиться, создать же новую партию с нуля будет тяжело. На думских выборах запрещено создание предвыборных блоков, а заградительный барьер поднят с 5% до 7%.

Во-вторых, произошла реструктуризация электорального рынка как такового. Реформа региональных избирательных систем и отмена выборов губернаторов - также чрезвычайно важный сюжет. Наконец, предприняты и менее значимые меры, такие как введение императивного мандата для депутатов Госдумы. Иначе говоря, в следующей legislатуре, если депутат выйдет из состава думской фракции или его выгонят, то он потеряет свой мандат. Не столь очевидный, но немаловажный аспект - введение системы электронного подсчета голосов на следующих выборах. Можно утверждать, что если мы рассматриваем альтернативу или дихотомию между партийной и персоналистской монополией, то выбор делается скорее в пользу партийной.

Почему именно этот инструмент оказывается востребованным российскими элитами? Ответ отчасти вызван контекстом рождения этого механизма. Напомню, что думские выборы 1999 г. непосредственно предшествовали президентским выборам 2000 г., так было составлено электоральное расписание. Это институциональный механизм. Соответственно, бороться за пост президента эффективно мог только тот кандидат, который обеспечил бы достаточно весомый результат на думских выборах. Собственно, за "Единством" стояла команда, обслуживавшая Путина, а за "Отечеством" и "Всея Россией" явным образом стоял Примаков, возглавлявший эту коалицию. Победа без использования партийного механизма была бы просто невозможной, именно успех "Единства" открыл дорогу Путину к президентству.

Представим на минуту, что электоральное расписание было бы составлено иначе: президентские выборы предшествовали бы парламентским. Победивший на этих выборах президент после выборов не имел бы никаких стимулов для того, чтобы инвестировать ресурсы в создание партии власти. Нечто подобное произошло в Белоруссии. В 1994 году Лукашенко пришел к власти на исключительно персоналистской основе, но уже после победы он не прикладывал усилий для создания партии власти, а скорее, предпринимал усилия для разрушения всех других партий. Надо сказать, ему это очень хорошо удалось. В России вполне мог бы быть такой вариант при другом электоральном расписании.

Надо обратить внимание на то, что и в дальнейшем именно механизм партии власти использовался для проведения политического курса в Думе. В Думе третьего созыва сложилось довольно устойчивое и очень дисциплинированное проправительственное большинство - 235 депутатов из 450. Оно проводило меры, которые предлагали президент и правительство, и надо сказать, что для президента это был очень важный момент. Исполнительной власти, грубо говоря, легче было обеспечить лояльность организованного думского большинства, чем вести индивидуальный торг с отдельными депутатами.

Более того, этот инструмент использовался не только для проведения политического курса, но и для подавления оппозиции. В 2002 г. "Единая Россия" устроила передел позиций в Государственной Думе, который был направлен на ослабление влияния коммунистов, и это удалось. Действительно, влияние коммунистов в преддверии думских выборов 2003 г. существенно ослабло, что сыграло не последнюю роль в поражении КПРФ. Инструмент продемонстрировал свою эффективность, и оказалось, что у правительства и Кремля очень мало стимулов для инвестирования ресурсов в политические проекты, альтернативные сложившейся "Единой России".

Приведу пример - накануне выборов 2003 г. были приложены довольно значительные усилия для создания дублера партии власти в лице Народной партии Российской Федерации (Райков, Гудков и другие деятели). В основном в ее состав входили депутаты "Единой России", которые были избраны по одномандатным округам. Они входили во фракцию "Единая Россия", но в то же время не являлись членами этой партии. Как утверждают наблюдатели, за раскруткой Народной партии стояли те персонажи кремлевской политики, которых принято относить к силовикам. Оказалось, что этот проект был совершенно неудачным, то есть раскручивался он очень активно, но результат был не таким, каким хотели бы его видеть инициаторы. Народная партия собрала 0,63 голосов по общефедеральному округу. Благодаря тому, что депутаты-одномандатники обладали поддержкой на местном уровне, партия провела 17 депутатов в одномандатных округах - больше чем КПРФ. Тем не менее, все эти депутаты, за исключением одного, позднее вступили во фракцию "Единая Россия", поскольку никакой альтернативы сформировать не могли. Барьер для создания депутатских групп в Госдуме раньше был 35 депутатов, а сейчас - 55. Найти достаточное количество депутатов для создания депутатской группы Народной партии было бы просто невозможно. Более того, в начале 2005 г. велись дебаты по поводу выделения в «Единой России» левого и правого крыла, но они, видимо, так и остались дебатами по тем же самым причинам. То есть издержки на то, чтобы изменить стратегию по созданию доминирующей партии, явно превышали издержки сохранения статус-кво.

Очень интересны аспекты, связанные с организационным строением доминирующей партии. Показательно, что ее основой стало именно "Единство", а не "Отечество - Вся Россия". Помимо того, что "Единство" сохраняло персональную лояльность к главе государства (в отличие от ОВР), здесь важны организационные принципы партийного строительства. "Единство" было построено по принципу «сверху вниз», в то время как ОВР - «снизу вверх». То есть ОВР - это объединения региональных губернаторских электоральных машин, а управление партией на федеральном уровне находилось в руках лидеров и их клиентелы. У "Единства" был совершенно другой механизм управления, который по аналогии с акционерным обществом можно назвать механизмом управления внешними акционерами. Есть менеджмент, который осуществляет повседневное управление партией и может быть заменен акционерами. Кстати, партийный аппарат менялся полностью на общенациональном уровне дважды по мере того, как он переставал удовлетворять интересам внешних акционеров. Естественно, такая организационная структура имеет гораздо больше шансов на то, чтобы успешно добиться организованного пронизывания всех единиц управления страной.

Предположим, что история сложилась бы иначе. В 1999 г. победило бы не "Единство", а "Отечество- Вся Россия". Скорее всего, такая партия едва ли состоялась бы в виде организованного, дисциплинированного партийного большинства. Скорее это был бы

рыхлый конгломерат региональных лоббистов. Понятно, что первая модель более организационно эффективна, чем вторая, для того, чтобы поддерживать монополию. И еще один фактор, очень важный, это отсутствие идеологии. Многие авторы, писавшие о партии власти, справедливо утверждали, что у этой партии нет ярко выраженной идеологии. Однако я должен сказать, что на самом деле отсутствие идеологии скорее можно занести российской партии власти в плюс, а не в минус, и вот почему.

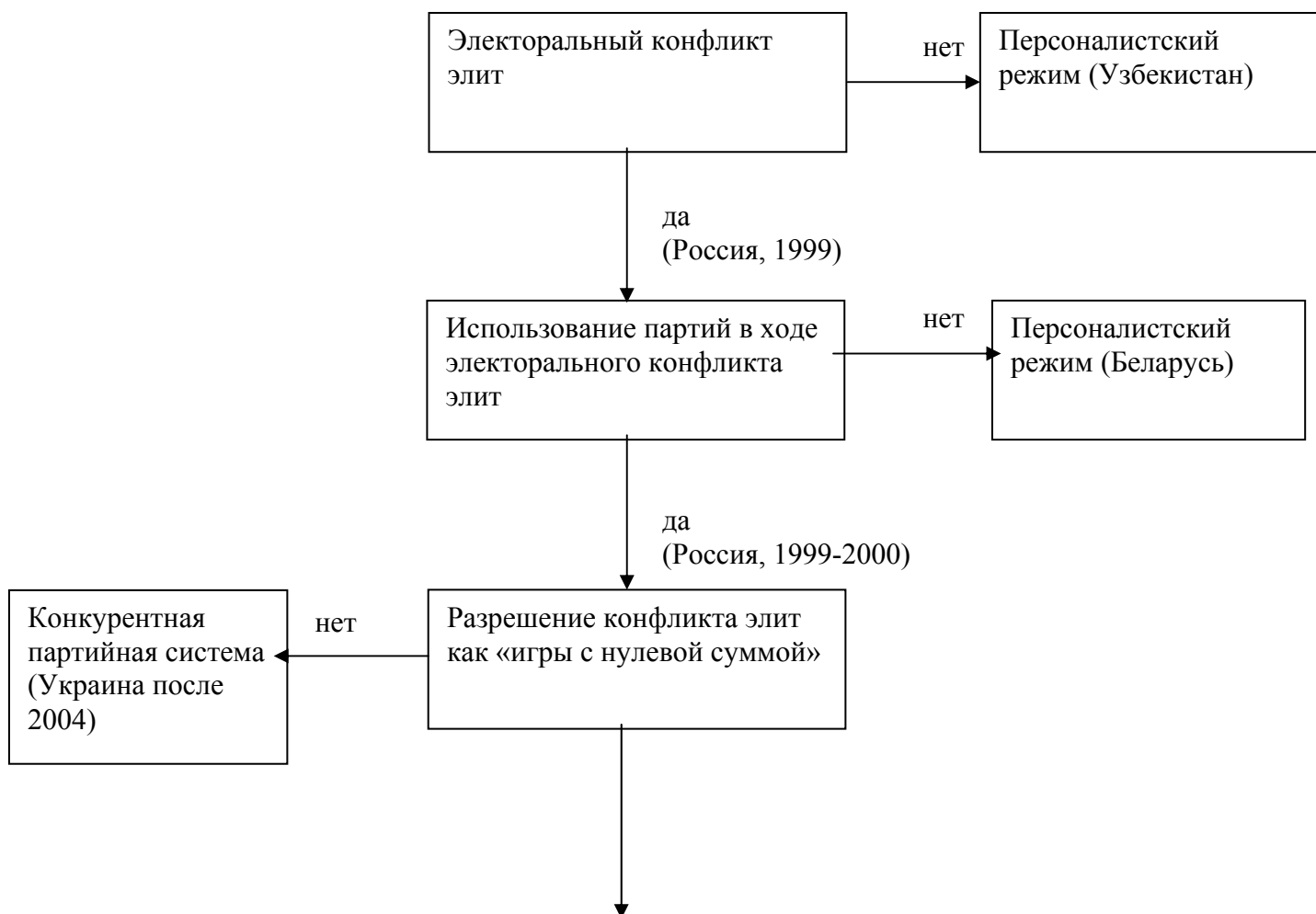
Во-первых, со снижением уровня неопределенности в стране резко снизилась ценность идеологии как продукта на электоральном рынке. Иначе говоря, избирателям меньше стала нужна идеология, чтобы ориентироваться в политическом пространстве.

Я могу сослаться на работу моей коллеги по Европейскому университету, Евгении Поповой, она проводила сравнительный контент-анализ партийных программ с 1993 по 2003 г. Все партийные программы демонстрируют тренд конвергенции. Если мы возьмем разницу между левыми и правыми, то в 1993 г. она была очень большая, в 2003 г. - резко уменьшилась. В принципе эти тенденции характерны для многих партийных систем, российская здесь не исключение. Но для партии власти, если замерять по лево-правой шкале, характерна нулевая позиция - позиция, которую в литературе называют "медианный избиратель". И это оказывается очень выигрышным, потому что такая позиция препятствует формированию объединенной оппозиции между левыми и правыми.

Значительная идеологическая дистанция между КПРФ и "Яблоком", не говоря уж о СПС, препятствует формированию единой коалиции негативного консенсуса между ними, что мы наблюдаем на примерах повседневной полемики между разными сегментами бывшей оппозиции.

Если резюмировать сказанное о том, что имеет отношение к формированию механизма монополии партии власти, я бы предложил схему, в виде формальной модели или алгоритма.

Схема 1. Формирование монополии «партии власти» и возможные альтернативы

да
(Россия, 2000)

Мы видим, что здесь несколько развилок, каждая из которых характеризует тот или иной вариант развития событий. Это наличие электорального конфликта элит на партийной основе, это разрешение этого конфликта в качестве модели игры с нулевой суммой, когда одна сторона все выигрывает, а другая все теряет; это использование партии власти для закрепления господства правящей группы, что и делалось в период Третьей Государственной Думы. Понятно, что возможны варианты отклонений от персоналистского режима. Наконец, если партия власти зарекомендовала себя как успешный и эффективный механизм, то возникает ситуация монополии.

Однако не случайно в конце стоит знак вопроса, и это выводит нас на дебаты о перспективах этой модели. Насколько то, что мы наблюдаем сейчас, имеет шансы воспроизвестись в следующем электоральном цикле? Вообще, насколько устойчива монополия партии власти, произойдет ли подрыв этой монополии или монополия будет изменена и будет носить персоналистский характер в варианте, подобном тому, что мы наблюдаем, скажем, сегодня в Белоруссии?

Для ответа на этот вопрос можно порассуждать путем такого сравнения. Создание партийной монополии - это проект, который требует достаточно больших инвестиций, и эти инвестиции были сделаны вполне целенаправленно и осмысленно со стороны Кремля, начиная с 1999 г. по 2005 г. Но в то же время он может принести правящей группе долгосрочную и весьма устойчивую прибыль.

Персоналистские режимы не требуют абсолютно никаких вложений, но в то же время они оказываются крайне неустойчивыми, их создатели терпели значительные убытки, что мы видим на примере Украины, Грузии, Киргизстана и т.д. Как можно использовать партийную монополию для поддержания этого господства?

Американская исследовательница Реджина Смит, которая анализировала стратегии доминирующих партий в сравнительной перспективе, выделила два идеальных типа стратегии. Одна - стратегия подкупа избирателей, чрезвычайно широко применявшаяся разными доминирующими партиями. Например, итальянские христианские демократы использовали эту стратегию и благодаря этому десятилетиями находились у власти. Другая стратегия - стратегия подавления оппозиции, то есть механизм недобросовестной конкуренции. Этот механизм был присущ ИРП в Мексике, партии цивилизованной революции, у нас это название переводят как институционно-революционной, что неправильно. В принципе, не будет большой ошибкой отнести к этим механизмам и механизм монополии КПСС.

Понятно, что эти механизмы не являются альтернативными, скорее, они соответствуют логике политического бизнес-цикла: непосредственно после выборов происходит подавление оппозиции, а в преддверии выборов избирателя пытаются подкупить различными благами, национальными проектами или чем-то подобным. Если партия власти не может продемонстрировать свою эффективность, то возникает угроза кризиса электорального рынка. Либо избиратели просто уходят с электорального рынка, неконкурентная политика их не привлекает, тогда приходится предпринимать какие-то отчаянные средства, чтобы поднять явку избирателей. Я когда-то рассказывал, что в Мексике на избирательные участки перед выборами завозили ботинки. Избирателям перед выборами давали ботинки на левую ногу, а тем, кто пришел, давали еще и на правую. Понятно также, что и здесь существует механизм, предотвращающий такого рода кризис - механизм управляемой, так называемой "квази-оппозиции", что собственно делала ИРП. Параллельно с ней существовали партии, которые были разрешены, но они были лояльны правящей партии и во всем с ней соглашались. Некоторым аналогом являются элитные партии в странах Восточной Европы при коммунистическом режиме. Кроме того, снижение массовой поддержки может грозить организационным расколом партии власти и, соответственно, расширением политических возможностей уже не для квази-оппозиции, а для реальной оппозиции.

На сегодняшний день уровень институционализации партии власти, конечно, не очень значителен, поэтому о долгосрочных проблемах говорить не приходится. Тем не менее, есть основания рассматривать вариант использования именно этого механизма для обеспечения преемственности элит как наименее затратный для правящей группировки.

Снова проведу параллели с мексиканской историей. ИРП была создана в 1929 г., причем ее созданию предшествовала трагическая история: бывший президент назначил своего преемника, но накануне выборов его убили. Тогда, чтобы избежать конфликта элит, была создана партия. Тем не менее, первые 9 лет своего существования партия использовалась сугубо инструментально, так же как сейчас используется «Единая Россия». И только к концу срока правления второго президента Мексики Ласаро Карденаса стало понятно, что сугубо персоналистский механизм преемственности (там президенты избирались и избираются на 6 лет, без права переизбрания на второй срок) - попытка для политической и экономической элиты страны.

Карденас озаботился этой проблемой очень серьезно. Он был самым популярным президентом в истории Мексики. Его популярность базировалась на том, что он провел аграрную реформу, раздал землю крестьянам и национализировал нефтяные компании. Карденас реорганизовал партию власти, используя научный жаргон, можно сказать, что он ее реорганизовал от территориального к секторальному принципу построения. Поскольку главной угрозой для господства партии были местные касики, местные региональные боссы, партия была реорганизована по секторальному принципу. Отделения партии были созданы прежде всего в профсоюзах и в армии - две крупнейшие политические силы, которые надо было централизованно контролировать. Этот механизм реорганизации был осуществлен в 1938 г. и оказался очень эффективным и удачным. Удачным потому, что, во-первых, удалось минимизировать угрозу бунта первых секретарей - что-то подобное пытался сделать Никита

Хрущев, когда пытался разделить обкомы партии на промышленные и аграрные. В принципе, логика построения там была та же, но Хрущев не смог довести реформу до конца, и как раз первые секретари организовали его свержение. Карденасу же это за 24 года до Хрущева удалось гораздо более эффективно. Я не знаю, использовали ли советские руководители мексиканский опыт, скорее всего, они ничего о нем не знали.

Надо сказать, что такой механизм позволил решить еще одну очень важную проблему, которая на быденном языке называется "хвост крутит собакой", а на научном - "проблема принципала и агента". В этой ситуации партия может паразитировать на государстве и использовать политизацию государства для решения собственных задач. Разделение на секторальные сегменты и на явные и неявные фракции способствовало ослаблению партии, и президент, опираясь на правящую партию, играл на интересах агентов, на конкуренции между ними, на том, что он мог этим манипулировать без особого ущерба для себя. Все президенты после Карденаса действовали так же, вплоть до 2000 г., когда в конце концов впервые за все время мексиканской истории кандидат ИРП проиграл выборы, и к власти пришел представитель оппозиции Фокс, нынешний мексиканский президент.

На самом деле угроза политизации государства - не абстрактный, а совершенно конкретный возможный механизм, который тем более возможен в России, с учетом ее недавнего прошлого. Конечно, использование государства как механизма обеспечения монополии правящей группы мы наблюдаем и сегодня, но понятно, что по мере того, как партия власти может стать более неустранимой в политике, этот механизм также может приобрести гораздо больший масштаб.

Резюмируя, можно сказать, что трансформация российской партийной системы от модели «бесформенного плюрализма» к модели «доминирующей власти» создала новые угрозы, которые можно, предельно огрубляя, сформулировать фразой "из огня да в полымя". В 90-е годы главной проблемой было обилие мелких партий, фрагментация, неустойчивость партийной системы. Партии не осуществляли устойчивую связь масс и элит, не выполняли функцию политического представительства, не могли обеспечить политическую подотчетность правительства и т.д.

Все это было очень тревожными признаками, очень проблемными, тем не менее они не закрывали дорогу для трансформации модели «бесформенного плюрализма» во вполне конкурентную партийную систему. Мы можем посмотреть, как это происходит на Украине, где фрагментация высока, но система вполне конкурентна. В этом смысле поворот к режиму «доминирующей власти» является гораздо более губительным. Если провести медицинскую аналогию, это как если бы мы от болезни роста перешли к хроническому заболеванию. В этом смысле угроза того, что модель «доминирующей власти» может оказаться хронической, вполне серьезна. По крайней мере, до тех пор, пока экзогенные, внешние факторы политического рынка остаются неизменными, эта монополия может воспроизводить себя сама, как нас учит опыт ИРП в Мексике и недавнего прошлого нашей страны. Будущее покажет, насколько оправданы эти ожидания для тех, кто хотел бы надеяться на эту модель, и насколько оправданы опасения тех, кто не считает, что эта модель будет полезна для развития нашей страны. На этом позвольте мне поставить точку.

Валентин Гольберт, СИ РАН: В начале Вы сказали про предложение и спрос. А потом в дальнейшем про спрос уже речи не было. Это означает, что спрос вообще теряет самостоятельное значение в формировании политического ландшафта либо он нерелевантен - спрос сам по себе, предложение само по себе? Либо спрос формируется предложением, сверху?

Гельман: Спасибо. Естественно, спрос «имеет значение». Если на вашу продукцию нет спроса на рынке, тут ничего не поделаешь. Однако мы видим, что в 2003 г. спрос стабилизируется. Более того, если мы продолжим эту линию, попробуем спроецировать данные сегодняшних опросов, мы увидим, что и сегодня по всем опросам позиции партии

власти не являются доминирующими, но это наиболее крупный сегмент российского электорального рынка. В этом смысле мы можем говорить о том, что, по крайней мере, в этом сегменте рынка произошла стабилизация спроса. Я не утверждаю, что эта стабилизация раз и навсегда, вовсе нет, я подчеркивал, что если партия власти не будет демонстрировать свою эффективность, не будет предоставлять неких благ избирателям, а будет заниматься только подавлением своих политических конкурентов, то она рискует столкнуться с серьезным кризисом. С другой стороны, Вы правы в том, что спрос во многом определяется предложением. Иначе говоря, избиратель, приходя на избирательный участок, выбирает из того минимума, который ему предлагают политические партии. В этом смысле от того, какое предложение на этом электоральном рынке, довольно существенно зависит поведение избирателей. Опять-таки, в случае тотальной монополизации электорального рынка возможна ситуация, когда избиратель вообще с этого рынка уйдет и просто не будет ходить на выборы. Мы, кстати, этот процесс наблюдаем, явка на выборы снижается: и на федеральные, и на региональные. Не в последнюю очередь и потому, что снижается уровень политической конкуренции.

Андрей Алексеев, СИ РАН: За последние 10 лет заметна тенденция - резкое снижение фактической явки и, соответственно, отчасти, даже вынужденное, - снижение разрешенного порога. В связи с этим два вопроса. Нельзя ли конкретизировать этот момент - как снижается порог явки законодательно? И второе - в какой мере эта совокупность обстоятельств, связанная с явкой и понижающейся электоральной активностью, влияет на процесс, о котором вы говорили, то есть переход от фрагментации к доминированию определенной партии власти?

Гельман: Спасибо. Действительно, об этом я в докладе не сказал вот по какой причине. Дело в том, что снижение явки на общероссийских выборах, я имею в виду фактической явки, а не законодательного порога, существенно, но не является пока критическим. На последних думских выборах в России явка избирателей составила 55,75%. Этот показатель не так уж мал, однако замечу, что на выборах 1999 г. явка была 61,5%, то есть почти на 6% больше. То же самое наблюдалось и на последних президентских выборах. Вы правы, есть такая точка зрения, что чем выше уровень политической конкуренции, тем выше явка. Однако здесь важна не только "средняя температура по больнице", но и региональные различия. Региональные различия демонстрируют следующее: самая высокая явка демонстрируется в российских республиках, которые имеют, скажем так, очень плохую репутацию по части чистоты выборов. Это республики Северного Кавказа (самая высокая явка на президентские выборы в России - известный факт, была в Чеченской республике). Скажем так, за руку никого не поймали, но есть точка зрения, что если явка аномально высока, значительно выше средней, - например, сельские районы Башкортостана, Башкортостан очень известен таким нехорошим показателем, - скорее всего, есть основания ожидать высокого уровня фальсификации выборов. Поэтому в этом плане ситуация обстоит не столь просто.

То есть избиратели, с одной стороны, не приходят на выборы потому, что им это неинтересно, они не верят в то, что выборы имеют значение, что они не будут фальсифицированы и т.д. С другой стороны, там, где слишком много избирателей приходит на выборы, скорее всего дело нечисто.

Что касается законодательного порога явки. На думских выборах законодательный порог явки 25%, на президентских - 50%, понятно, что нынешняя явка их с лихвой перекрывает. На региональном уровне есть тенденция к понижению этого порога, а на местных уровнях его вообще отменили. Действительно, сплошь и рядом мы видим выборы в органы местного самоуправления, на которые пришло 15% избирателей, и выборы считаются действительными. Естественно, при такой аномально низкой явке приходят избиратели, которые меньше заинтересованы в исходе выборов, а больше заинтересованы в

получении каких-то благ. Сплошь и рядом там устраивают лотереи или что-то в этом роде, чтобы привлечь избирателей. Это происходит повсеместно. Но мне кажется, что в данном случае снижение уровня фактической явки - это скорее следствие проблем, а не причина.

Естественно, для режима важна, тем не менее, определенная легитимация. Выборы даже в советский период выполняли функцию политической легитимации. Поэтому советским властям было очень важно, чтобы в выборах принимало участие 99,9%. С практической точки зрения никакого смысла это не имело. Выборы все равно носили неконкурентный характер. Тем не менее, для правящей группы, конечно, снижение явки, особенно на общенациональных выборах, было бы довольно серьезной неприятностью.

Кстати, именно поэтому на последних выборах - и думских, и в особенности президентских - предпринимались очень большие усилия, чтобы явка была высокой. Давали всяческие указания, где-то, по-моему, даже были случаи, когда самая высокая явка была в сумасшедшем доме, а где-то, наоборот, людей не клали в больницу или не выписывали из нее, чтобы они голосовали на выборах. Все это так, но за этим стоит простое соображение, что если люди на выборы не ходят, то это косвенное свидетельство нелегитимности режима.

С другой стороны, в отсутствие эффективного механизма контроля повысить явку путем вбрасывания бюллетеней большого труда не составляет. Эффективного механизма контроля нет, более того, последние поправки к избирательному законодательству разрешают в России присутствие только тех международных наблюдателей, которые одобрены Центризбиркомом, поэтому можно предположить, что масштаб безобразий на выборах будет довольно значительным.

Лев Савулькин, Леонтьевский центр: Почему консолидация произошла именно в рамках «Единства»? Второй вопрос: можно ли совместить в рамках следующего электорального цикла аппарат государственных структур и партию, если они имеют одного и того же руководителя? И третий вопрос - у Вас была таблица, где видно, что есть большой спрос на националистов, и он продолжает расти. Возможна ли альтернатива с этой стороны?

Гельман: Почему произошла консолидация после 2000 г.? Действительно, ни "Единство", ни "Отечество" не располагали относительным большинством, даже в совокупности, это реальный факт. Вместе на выборах 1999 г. они получили 36,6% голосов, однако в контексте парламентской политики в Государственной Думе получилось так, что "Отечество" оказалось изолированным, а "Единство" предприняло очень умелую тактику. В Государственной думе 3-го созыва все посты были поделены между двумя крупнейшими на тот момент фракциями, а именно - "Единством" и КПРФ. И «Отечество» оказалось в изоляции. Это был тактический союз. Пройдет два года, и в 2002 г. "Единство", уже обладая большинством в Думе, затеяло передел думских позиций и выкинуло отовсюду КПРФ.

"Отечество" не представляло собой какую-то единую политическую структуру. Это, как я уже сказал, был такой рыхлый конгломерат региональных лидеров и их клиентел. Воспользовавшись этим, "Единство" их одного за другим выбивало. Кого-то элементарно перекупили, кого-то запугали. Когда Примаков отказался участвовать в президентских выборах 2000 г. и фактически сдался, это был явный сигнал для бегства в лагерь победителей. Более того, это бегство частично началось еще до думских выборов, когда стало понятно, что "Единство" выигрывает у "Отечества". Таким образом, перед лидерами "Отечества", прежде всего, перед Лужковым, который очень много ресурсов инвестировал в то, чтобы создать и возглавить "Отечество", оказалась непростая дилемма - или примкнуть к лагерю победителей на второстепенных позициях, или продолжать партийное строительство без малейших шансов на успех. Лужков выбрал первый вариант, насколько я могу судить, он позволил ему сохранить какие-то серьезные позиции в общенациональной политике. По крайней мере, то, чем Лужков обладал до начала избирательной кампании, он не растерял. В случае, если бы продолжалась политика индивидуального партийного строительства, она вряд ли бы имела шансы на успех.

Иначе говоря, для того, чтобы консолидировать рынок, вам необязательно обладать 50%, достаточно блокирующего пакета. У "Единства" на тот момент был блокирующий пакет. Этого оказалось достаточно, чтобы одержать тактическую победу над "Отечеством", а потом к этому лагерю примкнула и часть независимых депутатов - группа "Регионы России", и в итоге уже к весне 2000 г., когда Путин вступил на пост президента, довольно быстро сложилось большинство в 235 депутатов, позднее создавших "Единую Россию".

Что касается второго вопроса - можно ли переместить аппарат власти из государства в партию? Я не исключаю, что именно это и станет повесткой дня выборов 2007 г. Конечно, на сегодняшний день этого не происходит. Мы видим, как "Единая Россия" очень громко кричала, что новый премьер-министр в 2004 г. будет назначен с учетом их мнения, но их поставили перед фактом. Однако я не исключаю, что ситуация может измениться, и тестом будут следующие думские выборы. Если "Единая Россия" на них выступит успешно, то я не исключаю, что так же как президент заявил сейчас, что будет предлагать кандидатуру губернатора по предложению партии, победившей на региональных выборах, так же, возможно, произойдет и после следующих думских выборов. Такой вариант возможен, более того, если бы я был советником администрации президента, я бы его всячески рекомендовал, исходя из тех соображений, которые я уже приводил. Но какими соображениями руководствуется администрация, судить не берусь.

Наконец, последнее, касающееся спроса на националистов. Я сегодня не говорил о спросе, но действительно есть такой тренд. Уровень поддержки партии, которую можно отнести к националистическим, как ЛДПР и "Родина", оказался достаточно высоким на последних думских выборах. Выборы в разных регионах России говорят о том, что спрос существует, хотя не такой уж высокий. Эти партии видимы, хотя и не в столь больших объемах, на региональных выборах.

Как будут разворачиваться события в преддверии голосования 2007 г., я пока судить не берусь. Не надо забывать, что в значительной степени условия доступа на этот рынок, для националистов в том числе, формируются не самими партиями, а администрацией президента. Если администрация по каким-то причинам сочтет, что этим партиям нужно закрыть дорогу в предвыборной борьбе или как-то сильно осложнить условия, возможно, будет совершенно другой результат. Но опять-таки, строить прогнозы на 2007 г. пока я не брался бы.

Виктор Пересада: Вы построили логическую теорию и в то же время говорите: "Я не берусь прогнозировать". Почему так? Теория и делается обычно для того, чтобы предсказывать, а не рассказывать о том, что было в прошлом. Это первый вопрос. И второй. Все-таки, с точки зрения Вашей теории, могли бы Вы объяснить, почему Явлинский так эффектно выступает и не пользуется успехом?

Гельман: В отношении второго вопроса - я не берусь судить, почему одни и те же политики могут быть очень убедительными как ораторы и неубедительными как партийные лидеры, это тема другого доклада.

Что касается прогностической силы теории. Дело в том, что когда мы говорим о возможных вариантах развития событий, конечно, мы не можем делать полноценные прогнозы исходя только из сегодняшней ситуации. В преддверии предвыборной кампании часто случаются совершенно непредсказуемые вещи. Скажем, накануне выборов 1999 г. в Госдуму все прогнозы, которые делались вполне уважаемыми исследовательскими центрами, отдавали заведомое предпочтение блоку "Отечество - Вся Россия". Вначале это был действительно самый влиятельный и популярный блок. Тем не менее, в ходе кампании произошли существенные изменения в политике страны, связанные со взрывами в Москве и соответствующей военной кампанией в Чечне, с ростом популярности Путина, созданием движения "Единство". Они настолько сильно изменили и состав участников, и настроение избирателей, что заранее, даже за 3 месяца до выборов, этого никто прогнозировать не мог,

тем более за 2 года до голосования. Сейчас у нас 2 года до следующего голосования. Если мы посмотрим на думские выборы 2003 г., мы увидим такие же проблемы, хотя может быть, не в столь большом объеме. Да, все прогнозировали, что "Единая Россия" одержит победу, хотя, возможно, никто не думал, что она окажется столь убедительной. Но мало кто из наблюдателей, специалистов, занимавшихся опросами, ожидал, например, что столь большой успех будет сопутствовать блоку "Родина", который был создан буквально накануне выборов, и при этом обе либеральные партии, СПС и Яблоко, не преодолев 5-% барьер, не попадут в Госдуму. Иначе говоря, контекст кампании, и факторы, которые возникают в ходе кампании, конечно, оказывают очень большое влияние. Поэтому делать какие-то прогнозы можно, но только предполагая, что сегодняшняя ситуация воспроизведется в 2007 г. Я не думаю, что можно об этом говорить со 100-% уверенностью. Было бы очень наивно полагать, что все то, что мы имеем в стране сегодня, в таком же точно виде, с тем же набором политических акторов, агентов сохранится через 2 года. Конечно, если бы выборы состоялись завтра, тогда можно делать какие-то прогнозы. Но у нас 2 года до выборов, поэтому это было бы очень сильным преувеличением.

Борис Максимов, СИ РАН: "Единая Россия" опирается не только и даже не столько на свои особенности и качества партии как таковой, сколько на конфигурацию политической системы или формат партийной системы, как Вы это называете. Но все же что-то, какая-то заслуга принадлежит и партии, и в этих достоинствах «Единой России» что Вы считаете главным - какие-то действия или идеологическая неопределенность, как Вы сказали, какие качества партии как таковой играют важную роль?

Гельман: Действительно, качества самой партии оказались вторичными по отношению к контексту. Во-первых, «Единой России» несказанно повезло с точки зрения благоприятной экономической ситуации в стране, и конечно, есть основания считать, что часть избирателей атрибутировала правящей партии ответственность за улучшение экономической ситуации. Во-вторых, правительственная политика была направлена на то, чтобы направлять ресурсы в регионы, наиболее значимые с точки зрения повышения поддержки «Единой России». Присутствующий здесь Андрей Щербак делал анализ голосования за «Единую Россию» и показал, что те регионы, в которые направлялись дополнительные федеральные трансферты, в наибольшей степени демонстрировали прирост поддержки «Единой России» на думских выборах 2003 г. В этом плане, конечно, меры правительственной политики тоже играли определенную роль. В-третьих, надо отдать должное – «Единой России» удалось создать эффективно работающее дисциплинированное парламентское большинство. И благодаря этому партия выступала как вполне эффективный проводник политики Кремля на федеральном уровне, в некоторой степени такие же тенденции мы наблюдаем и на региональном уровне, по крайней мере, в некоторых региональных legislatures, хотя в целом по стране картина очень пестрая - где-то это удается, где-то нет.

Кроме того, отсутствие собственной политической повестки дня позволило этой партии без особых оснований приписывать себе достоинства, часть которых присуща в глазах избирателей популярному президенту. Конечно поддержка президента здесь тоже играла немаловажную роль. Иначе говоря, совокупность факторов.

Конечно, на сегодняшний день мы не можем сказать, что «Единая Россия» ничего не стоит, что президент здесь играет первостепенную роль и вполне может обойтись без «Единой России». Я рискну предположить, что не может, то есть создавать альтернативный механизм президентской поддержки, опираться на чисто административные механизмы или создавать новую партию власти окажется себе дороже, лучше использовать уже действующий механизм, который зарекомендовал себя как более или менее хорошо работающий.

Кстати, это проходит неоднократно в высказываниях деятелей типа Суркова, которые прямо дают понять, что да, на следующих выборах Кремль будет поддерживать «Единую

Россию», потому что другой альтернативы нет. Насколько это окажется успешным - будущее покажет. Сегодня преждевременно об этом говорить.

Борис Винер, СИ РАН: Если сравнить нашу ситуацию с ситуацией на Украине - предложений партий там было громадное, России такое и не снилось. В чем там проблема, почему класс чиновников, то есть то, на что собственно мог опереться Кучма, оказался значительно слабее? И что это - возможность для всяких олигархических группировок просто переиграть друг друга в ходе этой борьбы, что, как мне кажется, собственно и произошло, Кучма то на одного ставил, то на другого? Или я в чем-то ошибаюсь?

Гельман: Отличие украинской политико-экономической элиты от российской связано с явлением, которое американский исследователь Лукан Вэй назвал «плюрализмом по умолчанию». Иначе говоря, в Украине существует несколько серьезных размежеваний в среде элиты, и не только размежевание на Восток и Запад, которое у всех на зубах навязло, но и наличие нескольких территориально базирующихся политико-экономических комплексов. Наиболее значимых, как минимум, три: Киевская, Днепропетровская и Донецкая группы. Это просто обломки империи, остатки бывшего единого советского народнохозяйственного комплекса, которые оказались разобщенными после распада Советского Союза. Там существуют свои группы, которые конкурируют друг с другом, и эта конкуренция неустраима.

В России крупные финансово-промышленные группы - не регионально базирующиеся, а общенациональные, вертикально интегрированные. А в Украине вертикальной интеграции нет. Поэтому там каждая олигархическая группа пыталась создавать свои партии или спонсировать близкие. Поэтому между ними возникали постоянные альянсы и конфликты. Кроме того, что украинские институциональные механизмы еще больше способствуют фрагментации, барьер вхождения в Раду ниже, чем в российскую Думу. Сейчас он станет еще ниже - вместо 4% будет 3%. В Верховной Раде был очень низкий барьер для формирования депутатских фракций.

Конфликт элит там неустраимый, и невозможно было его разрешить по принципу игры с нулевой суммой. Фундаментальная ошибка Кучмы состояла именно в том, что он такое решение пытался предложить. Выяснилось, что оно просто невозможно, на этом противоречии и произошел конфликт, приведший к украинской «оранжевой революции». В журнале "Полис", № 1 за 2005 год у меня вышла статья "Уроки украинского", где я подробно описал всю эту историю.

В России ситуация другая. Финансово-промышленные группы базируются на общенациональном уровне, они вертикально, а не горизонтально интегрированы, соответственно, не существует и не существовало непреодолимого раскола элит. Отчасти это связано с тем обстоятельством, что уровень сменяемости элит в 90-м году был довольно низким, даже в сравнении с Украиной. Поэтому в начале 2000-х годов удалось реинтеграцию, то есть возврат к высокой интеграции элиты, провести без возникновения существенно значимых контрэлит.

Андрей Щербак (Высшая школа экономики): Вы проводили в своем докладе достаточно много аналогий с экономикой, в частности, употребляли такое понятие, как формирующиеся рынки, и основная характеристика была недобросовестность конкуренции. Это вызывает у меня такой вопрос. Я так понимаю, что это не сущностная характеристика, не 0, не 1, а скорее, какой-то изменяющийся показатель. Вопрос в том - какие факторы влияют на изменение этой недобросовестности? Вряд ли это чья-то злая воля, когда какие-то злые люди сидят в столице и повышают или понижают эту недобросовестность. Какие объективные факторы могут ее изменить в ту или иную сторону?

Гельман: Действительно, понятие «чистота выборов» или «справедливость выборов» крайне тяжело количественно измерить. Существующие индикаторы, такие как оценки международных наблюдателей, мало что значат, это как раз бинарные показатели - или справедливые или несправедливые. Хотя существуют более подробные шкалы - есть датские исследователи Энфилд и Свенсон, они руководили группами международных наблюдателей на выборах во многих странах, в частности, в ЮАР после апартеида. Они разработали очень подробное, детальное членение, 25 позиций, по которым оценивается справедливость выборов, начиная от порядка освещения выборов в новостях государственных телеканалов и кончая полнотой публикации результатов голосования. Была опубликована статья в "Journal of democracy". Проблема в том, что эмпирически замерить эти показатели крайне тяжело, хотя это делается. Если мы посмотрим отчеты наблюдателей ОБСЕ, которые висят на сайте миссии ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, мы увидим, что там ведется подробный мониторинг прессы, еще что-то. Тем не менее, эта проблема эмпирически и методологически сложно разрешима.

Есть исследования, которые оперировали такими показателями, как рассмотрение электоральных споров в избирательных комиссиях и в судах. В частности, одна аспирантка Гарвардского университета делала такой анализ по материалам споров о регистрации кандидатов в одномандатных округах на думских выборах 1999 г. Она проанализировала больше 200 случаев с помощью статистического анализа. Главные ее выводы, что, с одной стороны, в деятельности судов не было обнаружено какого-то отклонения в пользу проправительственных партий и кандидатов, в отличие от избирательных комиссий. Суды в 1999 г. были более беспристрастны. Это хорошая новость. Плохая новость состоит в том, что содержательная сторона дела, то есть какие нарушения признавались значимыми для отмены регистрации кандидатов, а какие нет, не имело никакого значения. Всякий раз решения принимались ситуативно, ad hoc, в зависимости от правосознания судей и т.д.

К сожалению, я не видел данных по 2003 г., но рискну предположить по известным мне случаям (московский автор Владимир Прибыловский ведет подробный реестр случаев вопиющих злоупотреблений на выборах), что на последних выборах решения были существенно отклоняющимися в сторону проправительственных партий. Прибыловский описывает некоторые случаи, когда у кандидатов, которые не были оппозиционными, но имели шансы оттянуть голоса у кандидатов, поддерживавшихся администрацией президента, обнаруживали фиктивные нарушения и снимали их с регистрации - просто, чтобы расчистить дорогу. К сожалению, статистического анализа я не видел, хотя было бы полезно сравнить данные 1999 и 2003 г. Думаю, есть возможность оценить масштаб этих злоупотреблений и недобросовестной конкуренции на выборах с помощью такого рода приемов.

Надо сказать, что Россия здесь не уникальна. Есть книги, посвященные анализу такого рода безобразий в Коста-Рике, где все судебные решения публиковались, и за 50 лет была сформирована огромная база данных. Два мексиканских автора провели исследование, опубликовав книгу "Stuffing the ballot box" - "Вбрасывая бюллетени в электоральную урну", если перевести на русский язык. Что-то подобное можно сделать в России, если иметь доступ к судебной статистике.

Екатерина Колтунова (Инжэкон): У меня такой вопрос. Вы сравнили партию «Единство» с акционерным обществом, где внешние акционеры могут сменить менеджмент. Хотелось бы подробнее узнать о том, какова структура владения этой партией, конкретно - кому сколько принадлежит. Что-то меняется, покупаются ли эти доли, меняются ли они на что-то, принадлежат ли они частным лицам или юридическим, где этот реестр можно посмотреть, откуда-то эту информацию можно получать, и владеются ли другие партии таким же образом или нет, у нас и вообще в мире?

Гельман: Понятно, что всякие параллели условны, но если их проводить до конца, я бы сказал, что 100% акций «Единой России» принадлежат администрации президента. Кто конкретно в администрации президента принимает решения и как, я судить не берусь, вернее, судить можно по каким-то обрывочным свидетельствам типа "Баек кремлевского диггера", или чего-нибудь в этом роде, что, естественно, не является научным источником. Тем не менее, действительно известно, что дважды в истории "Единой России" состав управленческого аппарата менялся полностью, менялся исполнительный директор этой партии - человек, который возглавляет исполком этой партии и по сути возглавляет партийный аппарат. Насколько известно, дважды смена происходила под давлением Кремля, поскольку предыдущие руководители аппарата партии не устраивали акционеров. Они были или неэффективны - как первый руководитель, отправленный на работу в «Газпром», или, наоборот, позволяли себе проводить слишком много несогласованных с Кремлем действий. Это действительно существенные факты.

Иначе говоря, решения о смене руководства партийного аппарата, играющего довольно значимую роль в жизни любой партии, принимались не потому, что этот аппарат не устраивал (возможно, и поэтому тоже, но не только) партийцев, а потому, что не устраивал внешних акционеров. Это существенная разница, потому что в большинстве партий, даже российских, вопросы о составе руководства партийного аппарата все-таки решаются самим партийным руководством. Конечно, многие российские партии, Вы правы, также находятся в той или иной степени зависимости от администрации президента. Известно, что, по крайней мере, и "Родина" на думских выборах 2003 г., и в значительной степени либеральные партии так или иначе согласовывали свои действия с администрацией. Тем не менее, эти действия в основном касались состава кандидатов, электоральных стратегий, а не внутрипартийной жизни, связанной с тем, кто будет возглавлять партийный аппарат и т.д. Поэтому разница здесь достаточно принципиальная.

Имеется ли опыт подобного рода за рубежом, не знаю. Если говорить об известном мне, я специально не изучал, но читал об опыте ИРП - там управление проводилось иными методами. Это был многопрофильный холдинг, то есть партия была сегментирована по производственному принципу. Там были парткомы в профсоюзах, парткомы в армии и т.д. Это немного другой опыт, ценный для нас тем, что было проведено искусственное разделение с тем, чтобы ослабить партию, не дать ей возможности навязать свою волю президенту. То есть в принципе логика та же, хотя механизмы несколько другие.

Мария Мацкевич: Если вопросов больше нет, переходим к выступлениям.

Алексей Шустов: Я бы хотел перейти в другую плоскость, по крайней мере, в сравнении с тем, как шли вопросы. Возникает ощущение, что в сегодняшней российской действительности формирование партий, как они понимаются в традиционном западном подходе, малореально. Я хотел бы услышать мнение автора доклада и, может быть, других участников, по этому поводу.

Вбрасываю такую идею - спорную, наверное. В принципе, партии, как мы их понимаем в западной традиции, формировались одновременно с формированием классической парламентской системы и отражали особенности общества того периода. На сегодняшний момент и в тех странах, и в России, и в сопредельных государствах, бывших республиках СССР, структура общества совершенно иная. Нет феодального наследия, которое выражалось в соответствующих классах общества. Поэтому мне кажется, на нынешний момент формирование партийной системы в том понимании, в котором оно осталось в западных странах, именно в качестве наследия, в качестве традиции, и потому, возможно, продолжает функционировать, ибо функционировало там на протяжении столетий, вот в этой форме сформироваться партийная система у нас просто не может. И потому то, что мы видим и то, что мы называем партийной системой, на самом деле является чем-то совсем другим. И в связи с этим применять подход, который используется для

анализа западных партий и их жизни, к нашим, может быть, не вполне правомочно. Такая мысль, я хотел бы услышать по этому поводу какие-то мнения.

Иосиф Скаковский (Союз Правых Сил): В продолжение того, о чем говорил Алексеев, в продолжение ряда вопросов, которые здесь прозвучали, хотел бы вернуться к вопросу электорального или политического рынка. Я по ходу доклада записал себе вопрос: существует ли у нас политический рынок? А если даже и существует, то, как говорил Райкин, он какой-то очень специфический. Первое, что вызывает сомнение. Человек все-таки приходит на рынок добровольно. На наш политический рынок наш избиратель, гражданин или существенная его часть достаточно добровольно ходила в начале 90-х годов. Уже где-то с середины 90-х годов эта добровольность требует каких-то очень сильных воздействий. То ли альтернативы Ельцин-Зюганов, это все-таки такая сильно возбуждающая вещь, то ли простого принуждения. И сам факт, что власть все время ведет дело к тому, чтобы заставить выбирать, а не дать возможность выбирать, в этом отношении чрезвычайно характерно.

По цифрам вроде бы получается, что политический рынок стабилизировался. Мне кажется, на эти цифры можно взглянуть несколько иначе. Иначе говоря, возникает еще один вопрос - когда люди голосуют за "Единую Россию", голосуют ли они за партию вообще? За партию или за что-то другое?

Конечно, спад электоральной активности связан с тем, что уменьшается конкуренция, уменьшается предложение. Но он связан не только с этим. Он связан с усталостью от некоей ответственности. Мне кажется, что часть электората готова передоверить выбор какой-то другой инстанции, и с особенной готовностью она это делает, когда эта инстанция - власть. Власть нам говорит, как надо голосовать: Валентина Ивановна будет хорошим губернатором. Мы придем и проголосуем, а там уж отвечать за это будет власть. Как она будет отвечать - другой вопрос. Но самое главное: всегда можно сказать - я не помню, голосовал ли и ходил ли, а во-вторых, нам сказали, я и проголосовал.

Мне кажется, нечто подобное происходит и с "Единой Россией". Поэтому эта стабилизация, главным примером которой являлась "Единая Россия", на мой взгляд, - стабилизация не партийной системы, а чего-то другого.

И последнее, что делает сомнительным наличие подлинного рынка и что связано с тем, о чем говорил Алексей. Партия выращивает политиков. В этом одна из функций партии. У нас партии охотятся за политиками и т.д., чтобы их себе заполучить. Не рейтинг партии влияет на рейтинг политика, а в значительной степени наоборот. В результате складывается странная система, когда чем более высокое положение занимает политик, чем более он раскручен, тем в наименьшей степени он по сути дела представляет партию. То есть представляет партийную позицию и т.д.

На одном из совещаний руководителей региональных СПС, обращаясь к главному партийному идеологу, некоторые руководители заговорили: ребята, вы смотрите, кто у нас в депутаты-то идет. В ответ было сказано: одно дело - обеспечить представительство партии в парламенте, другое дело - проводить в этом парламенте партийную политику. Это разные задачи.

Андрей Алексеев (СИ РАН): Мне кажется, очень интересный и аргументированный доклад Владимира Яковлевича надо воспринимать в рамках определенных допущений. Его выводы справедливы в рамках определенных допущений. Продолжая то, что говорил предыдущий выступающий, к этим допущениям нужно отнести то, что партии - это партии, что выборы - это выборы, что те, кто голосуют - нормальные люди, а те, кто не голосуют - не вполне нормальные. На самом деле все наоборот. Или, по крайней мере, близко к тому, что наоборот.

Не знаю, помните ли вы, по-моему это было года два тому назад, где-то в конце 2003 - начале 2004 г. - очень любопытная публикация Юрия Роста в «Новой газете». Она

называлась "Партия нормальных людей" или как-то так, где обосновывалось, что нормальными людьми являются те, кто теперь в нынешней ситуации не голосуют, полагая это либо неинтересно, либо они знают, что будет и поэтому они не хотят голосовать, либо они против и выражают этим свой протест и т.д. и т.д.

С другой стороны, все эти электоральные результаты. Возьмем выборы 2003 г. Я, может быть, ошибусь в цифрах, но Володя меня поправит, действительно в выборах в Думу участвовало 50-55%, и около 37 или 38% набрала "Единая Россия". Мы привыкли говорить, что 37,7% избирателей высказались "за", а Путин еще своим авторитетом подтвердил, что эти результаты голосования показывают, чего хотят избиратели, то есть мы уже привыкли к тому, что 37,7% - это избиратели, а не те, кто участвовал в выборах. А на самом деле участвовала половина или чуть больше, а могло бы участвовать и меньше, потому что уже порог явки где-то на уровне 25%, а на муниципальных выборах, я даже не знал, что уже нет порога явки, это вообще какой-то парадокс. То есть 2 человека придут, и они могут выбрать, так получается. Полный абсурд получается, хоть 5% бы оставили. Если пересчитать то, что я назвал, оказывается, что "Единая Россия" набрала всего-то 20% голосов всех избирателей. Но этих 20% оказалось достаточно для того, чтобы занять больше половины мест в парламенте, и дальше это большинство парламента поддерживает то, что надо.

То есть все, что говорил Владимир Яковлевич, справедливо в рамках более серьезного процесса, который я бы назвал процессом делегитимизации выборов. Тут работает и механизм политического абсентеизма, нежелание людей голосовать, и сознательно организуемые правила выбора, например, повышение проходного процента с 5 до 7, а скоро, того гляди, будет и 10. При повышенных требованиях к партиям, которые могут участвовать в выборах, кажется, 50 тысяч по регионам и т.д. и т.д.

Внутри этого процесса делегитимизации, если абстрагироваться от него, все, что говорит Гельман, правильно. Но если взглянуть пошире, то, по-моему, появляется некая условность этих выводов, повторяю, абсолютно справедливых в рамках тех моделей. Для меня этот доклад очень информативен, я им восхищен, но наличие общей рамки или более глубокого какого-то процесса, который происходит последние 10 лет, и в особенности последние 5 лет, требует, может быть, каких-то новых, нетрадиционных подходов.

Хотя тут уже получается, что наука перестает быть наукой и становится политикой, я допускаю, что мое выступление является не только научным, но и чуточку политическим, скажем так. Не знаю. Пусть Владимир Яковлевич меня поправит, если я не прав.

Валентин Гольберт, СИ РАН: Наука редко бывает совершенно аполитичной, и что касается делегитимизации выборов, применяются более широкие диагнозы, наподобие вырождения политики в целом. Это проявляется, как коллега говорил, в том, что рейтинг политика - все, рейтинг партии - ничто. В этом отношении мы совершенно не своеобразны и не оригинальны. Это давным-давно известно, это притча во языцех - в Германии никто не голосовал за Шредера, то есть явления достаточно широко распространенные и очевидные. И соглашаясь с вами насчет того, что генезис партий протекал в разных условиях, похоже, движение идет в одном и том же направлении, происходит конвергенция. Поэтому я, например, с удивлением обнаруживаю, что некоторые идеи, концепции, которые применяются к анализу политической ситуации и процессов в Западной Европе, оказываются приложимыми и к нам, и воспроизводятся по своим существенным характеристикам.

Мне доводилось читать хороший аналитический материал о развитии партийной системы стран Западной Европы, там общий заголовок был такой - картелизация. Картелизация - это и есть, по сути, монополия. Институциональное оформление там другое, есть две партии, они как бы конкурируют, но в этой статье Марка Блика анализируется, в какой год, каким образом СПД сигнализировала готовность свою пойти на уступку, навстречу партийной позиции СДУ, по вопросам защиты труда, те пошли, в свою очередь навстречу, и в итоге стирается партийная оппозиция. Как может иметь значение партийная

оппозиция в парламенте или где-то еще, если партийной оппозиции нет, если все одно. Если пользоваться рыночными аналогиями и говорить о спросе, то выбор есть тогда, когда я прихожу и знаю, что мне предлагают, например, вещество - пластилин или замазку, и я выбираю то, что мне более нужно. А когда мне предлагают выбирать замазку чуть позеленее или чуть пожелтее, то есть одно и то же, то какая здесь интрига и какой резон мне выбирать. Отсюда и абсентизм. Какая это политика вообще? Таким образом, то, что происходит в политических кругах, полностью теряет связь с обществом, абстрагируется от спроса. Спрос определяется своими собственными детерминантами, социально-структурными, как-то структурируется общество, соответственно формируется электорат, аудитория определенных партий, формируется экономическая ситуация, а партийное предложение ничего общего с этим не имеет. Кушайте то, что вам предлагают. Пластилина сегодня нет, кушайте замазку. Этим и объясняется ситуация деградации политического рынка. С моей точки зрения, имеет смысл учитывать российскую специфику, но в то же время, мы очень хорошо и быстро вписываемся в общемировую тенденцию в процессе так называемой догоняющей модернизации.

Андрей Заостровцев (Леонтьевский центр): Я бы несколько возразил тезису, который только что прозвучал, что мы очень хорошо вписываемся в эти процессы, тем более сравнению нас с Европой. На самом деле, если уж проводить сравнения, то г-н Гельман, наверное, справедливо проводил сравнение с Мексикой. Я бы провел сравнение с более известной мне системой Стресснера в Парагвае. Система называлась "странато", была организована гораздо лучше чисто с менеджерской точки зрения, чем современная «управляемая демократия». Кстати, сам термин идет от Сухарто. Соответственно, в системе Стресснера существовала конституция, правда, объявлялось чрезвычайное положение, которое отменялось на один день во время выборов; существовала правящая партия типа "Единой России" - "Колорадо". Она регулярно занимала конституционное большинство в парламенте - 2/3, а треть отдавалась оппозиции, умнее гораздо, чем у нас, когда ее, так сказать, "мочат", как говорил наш президент. И эта треть называлась по-испански - "заквитерос", что означает побирušки, в общем-то народ очень мудрые клички иногда придумывает.

Я более согласен с той позицией, что у нас остаются номинации, а содержание у них другое, ближе к тем странам, о которых я упоминал. Какова главная функция "Единой России"? - гашение Думы, на мой взгляд. Потому что, с одной стороны, надо сохранять псевдодемократические институты, оболочки, чтобы признали не только внутри страны, а чтобы г-н Буш или г-н Блэр руку протягивал, международная легитимизация, а с другой стороны, даже эти пустышки опасны. Если рассмотреть нашу реальную политическую систему, мы имеем реальную клику этих акционеров, как они здесь ласково были названы. Они концентрируются в администрации президента, по-латиноамерикански они бы хунтой назывались, соответственно, сохраняется этот институт. Но его нужно нейтрализовать. Нейтрализовать через партию, контролируруемую и подотчетную.

Как во всяком авторитарном режиме - очень плохо проходят потоки информации. Отсюда вторая функция - это демонстрация лояльности. И здесь уже спрос возникает, как экономист я буду судить, уже спрос на такие КПСС-ные функции "Единой России". Уже сейчас чувствуют многие люди, что карьерное продвижение связано с "Единой Россией", некие мелкие подачки. Хотя есть и принципиальное отличие - это не возвращение в старую ситуацию, потому что правящей хунте не нужна правящая партия. Если КПСС была партией-государством или партией над государством, скажем, Политбюро - аналог современной администрации президента, то естественно, зачем администрации президента какому-то своему подсобному инструменту уступать власть. Это как если бы садовод уступил власть лопате. Лопата полезна, но не до такой же степени, чтобы она управляла садоводом.

И последнее, о чем я хочу сказать. Здесь могут дальше возникать некие противоречия, потому что раз такая структура как ЕР создана и живет, она будет стремиться брать на себя новые, более серьезные полномочия и даже, может быть, играть более серьезную роль во взаимоотношениях «принципал-агент». Тогда она будет стремиться проникать в кадровую политику по той модели, которая в идеале была реализована КПСС. Конечно, КПСС останется недостижимым идеалом, тем не менее, такая тенденция сегодня рассматривается.

Лев Савулькин (Леонтьевский центр): В целом я согласен со многими коллегами, которые уже высказывались. Однако, мне кажется, что делегитимизации нет, просто итогами выборов довольна значительная часть населения. Она туда и не идет, уверенная, что «все равно пройдут, те, кто должен». А отличие замазки от пластилина происходит тогда, когда происходит дестабилизация ситуации, нужны крайние идеологии, которые начинают бороться между собой. Когда же ситуация стабилизируется, то - согласен с Владимиром - есть идеальные избиратели, они к этому «пластилину» и устремляются, неважно, конкурентная система или неконкурентная система.

Я бы не совсем согласился, что у "Единой России" нет идеологии, она есть, только размыта. Это идеология имперская, это идеология патроната, это идеология служения государству, только поданная в размытом, ретушированном виде. Чтобы «попасть» на наибольшее количество избирателей. И стабилизовавшаяся ситуация приводит к тому, что электорат многих партий начинает сдвигаться в эту сторону, например, уходят от "Яблока". И нечего ходить, ясно, что все равно большинство будет. Я не думаю, что если бы была достаточно тяжелая ситуация и президент бы сказал: поддержите меня, вот реальные конкуренты, - люди бы не пошли на выборы. Очень даже пошли бы, другое дело, что, если это стабильная ситуация, спрос будет на размытую идеологию. Если ситуация будет резко меняться, будет спрос на резкую идеологию, типа "Родины", которую легко можно заменить, если нет конкурентов.

В своем прошлом выступлении Владимир говорил об элитах. Он вполне убедительно доказывал, что элиты очень стабильны, они очень слабо пока зависят от настроения внизу.

Все время кажется, что у нас партии в значительной степени являются партиями лидера. Если взять партию власти, там ясно, кто лидер. Даже в демократических партиях, либеральных у нас четко выражена узкая группа лидеров, и от них зависит больше, чем от всех остальных партийцев вместе взятых. При этом они очень слабо зависят в своей деятельности от электората. Они могут в любой момент в значительной степени разменять свою декларированную идеологию на интересы тех групп, которые их финансируют, либо свои собственные.

Об электорате вспоминают, только когда начинается новая выборная кампания. Это такие партии дуче. Есть дуче, и к нему все пристроено.

В связи с тем, что я говорил, я вижу большой спрос на националистическую партию. Если бы там сейчас был мощный лидер, он увел бы электорат у "Единой России" довольно быстро, особенно при расшатывающейся ситуации. Просто все эти националистические партии оказались карманными. У них нет лидера, которому нужна власть, а не кормушка. Буйные может быть есть, но не востребованы.

Партия власти, будем считать ее президентской партией, потому что сейчас это филиал имени Суркова, которого вызывают и говорят: Слава, сбаци нам в нужном направлении, только не особенно увлекайся с идеологией. Потому что тут сидят конкретные люди. А если рухнет система патроната, система подачек, тогда рухнет и иллюзия укрепления власти - бюджет разбалансирован, все очень плохо. Тут и появится возможность для буйных на этом фланге.

Андрей [Заостровцев] говорил, что сейчас она и есть филиал имени Суркова, который является масовиком-затейником и ответственным за проведение нужных избирательных кампаний. Но, допустим, предстоит такая ситуация - нам нужно весь этот аппарат (почему я и задавал Владимиру вопрос насчет возможности пересадки) пересадить из государственных

структур в партийные. Какие возможны варианты? Предположим, принято, что все эти люди должны остаться в полном составе, без замен. Тогда нужно идти на продление президентских полномочий на третий срок, на четвертый и так далее, что проблематично, поскольку требует очень большой силовой подготовки, с Западом возникнут проблемы. Другой вариант - парламентская партия и пересадка в правительственный аппарат - тоже вызывает большие трудности. Ведь в любой момент может все перетасоваться, контроль за процессами слабый. Большая неопределенность - объединение с кем-то: с Белоруссией, Казахстаном, кем-то еще.

Остается очень хороший вариант - пересадка в партийную систему. Люди уходят в партийный аппарат, не мелькают по телевизору. Если это можно технически реализовать, то это очень хороший вариант - они сохраняют полный контроль над всем, кадровый вопрос переходит в партийный аппарат и уже он становится не лопатой, а, наоборот, государственный аппарат становится лопатой. Там можно посадить любого президента, какого угодно, любого председателя правительства, какого угодно. Мы сейчас видим, что есть председатель правительства, который не решает абсолютно ничего. Любого из нас можно посадить во главе правительства, и он так же, как Фрадков, будет это все решать. Потому что даже аппарат Фрадкова не подчиняется Фрадкову. Такого же можно сделать и президента, чем смешнее, тем лучше. И дальше они будут воплощать какие-то ценные идеи.

Гельман: Партийные системы формируются в совершенно разных контекстах. Тем не менее мы видим, что контекст посткоммунистических стран не столь уж сильно различается между собой. Конечно, мы можем признать допущение, что в странах Восточной Европы стартовые условия для формирования партийных систем после крушения коммунистических режимов несколько отличались от России. Тем не менее, мы видим, что страны Восточной Европы сформировали конкурентные партийные системы, которые в общем вполне эффективно функционируют, хотя и там существуют проблемы, неустойчивости, фрагментация, тем не менее, они работают вполне сносно. Таким образом, вряд ли стоит искать причины в том, что у нас какая-то очень уж специфическая социальная структура или партии - некий продукт индустриального общества, а мы, стало быть, постиндустриальная страна.

Ровно так же не имеет, наверное, смысла, клеймить позором современные российские партии, и не только, кстати, российские, всех посткоммунистических стран, что они излишне персонализированы. Персонализация - неизбежный феномен ранних этапов партийного строительства. Когда в 1828 г. в США была создана Демократическая партия, это была команда предвыборного штаба Эндрю Джексона, созданная для его избрания на пост президента США. Тем не менее, партия существует уже большое количество времени, и она деперсонализировалась довольно сильно, хотя персонализация партийного голосования естественно присуща значительной части, особенно президентских режимов. Никаких особенных сюрпризов нет, естественно, президентский режим способствует персонализации политики.

Однако, как мне кажется, ключевое различие пролегает по тому, существует или нет конкуренция в партийных системах. Если этой конкуренции не существует или она носит характер раздела рынка, как в примере, который приводит Андрей Павлович [Заостровцев] по поводу Парагвая, где треть мест отводилась так называемой оппозиции, а две трети было у правящей партии (замечу, что в российской Государственной думе у "Единой России" тоже было около двух третей мест), это, конечно, другого рода характеристики партийной системы. Они качественно отличаются, даже при том, что внешне мы можем наблюдать некоторые сходные характеристики. Действительно, партии могут заключать какие-то временные ситуативные соглашения по тем или иным проблемам. Естественно, что монополия такого рода очень способствует процессу делегитимизации выборов, о котором шла речь. Вплоть до делегитимизации конвенциональной политической деятельности. Иначе говоря, если на выборах все равно нет шансов выиграть, зачем вообще участвовать в

электоральной политике, лучше идти на баррикады или заняться криминальной деятельностью, или чем-то еще.

Это действительно очень серьезная фундаментальная проблема, она связана с тем, в частности, что партия власти ничего не решает. Однако я не исключаю, что именно партийные механизмы будут в перспективе служить какими-то средствами, каналами, к примеру, рекрутирования элиты. В этом случае членство в партии, помимо демонстрации лояльности, будет сулить некоторые селективные блага тем, кто проявляет партийный активизм. Например, назначение в администрации будет осуществляться посредством "Единой России".

С другой стороны, президентская администрация нуждается в той же "Единой России", чтобы контролировать через нее правительство, региональные администрации. То есть такая логика представляется вполне оправданной. Еще раз подчеркну, что к демократическому процессу выборов она никакого отношения не имеет. Это правда. Но правда и то, что ее все равно надо изучать, вне зависимости от того, как мы к ней относимся. Другое дело, что, изучая этот путь, мы не должны думать в нормативных категориях: вот это очень плохо. Да, это очень плохо, безусловно, мы должны видеть разницу между режимом, который использует партии в качестве орудия своего господства, и режимом, который партии не использует, как, например, режим Лукашенко в Белоруссии. Безусловно, здесь играет большую роль и экономический монополизм, и очень многие другие обстоятельства, которые напрямую к партийной системе не относятся. Все это, безусловно, правильно, просто не это являлось целью моего доклада.

Я хотел бы всех поблагодарить за действительно живой интерес и большое количество замечаний. Тот текст, который я представлял, сейчас готовится к публикации в журнале "Общественные науки и современность", я надеюсь, что он выйдет в начале 2006 г. Всем большое спасибо.